

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

I. Категория двойственного числа в финно-угорских языках рассматривалась в обобщающих работах Й. Буденца¹ и Й. Синнеи²; многие исследователи (Х. Винклер³, Д. Фокош⁴, П. Равила⁵, Б. Коллиндер⁶, Э. Итконен⁷, П. Хайду⁸ и др.) высказались за возведение этой категории к уральскому языку-основе; некоторые же сомневаются в прауральском (прафинно-угорском) происхождении категории двойственного числа (см. об этом в разделе II).

Общеуральский (общефинно-угорский) суффикс двойственного числа реконструируется прежде всего в виде $*-k^9$, $*-ka/*-k\ddot{a}$ ¹⁰ или $*-k \sim *-\gamma$ ¹¹; П. Равила приводит его в виде $*-ka(n)$ ¹², а Б. Коллиндер — $*-ka/*-k\ddot{a} + *-n$ или $*-\acute{n}$ ¹³. Большинство ученых считает, что суффикс $*-k/*-ka/*-k\ddot{a}$ ясно сохранился в самодийских, обско-угорских и саамском языках; по мнению же Э. Итконена, $*k$ -ового суффикса двойственного числа в саамском языке не было.¹⁴ В последнее время некоторыми исследователями (например, Э. Итконеном и П. Хайду) выдвигается второй прауральский суффикс двойственного числа в виде $*-n$.¹⁵

В современных финно-угорских языках двойственное число применяется неравномерно: в обско-угорских языках очень широко (в формах

¹ J. Budenz, *Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana*, Budapest 1884—1894, стр. 315—321.

² J. Szinnyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin—Leipzig 1922, стр. 52—53.

³ H. Winkler, *Samojedisch und finnisch*. — FUF XII 1912, стр. 123—124.

⁴ D. Fokos, *A vogul-osztják duálisképző*. — NyK XLIX 1935, стр. 314.

⁵ P. Ravila, *Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen*. — FUF XXVII 1941, стр. 8.

⁶ B. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm 1960, стр. 237—238, 302.

⁷ E. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 206—207.

⁸ P. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai)*, Budapest 1966, стр. 68.

⁹ E. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*, стр. 207.

¹⁰ P. Hajdú, указ. раб., стр. 68.

¹¹ D. Fokos, указ. раб., стр. 314—315.

¹² P. Ravila, указ. раб., стр. 7.

¹³ B. Collinder, указ. раб., стр. 302.

¹⁴ E. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*, стр. 207.

¹⁵ Там же; P. Hajdú, указ. раб., стр. 68.

личных местоимений, в лично-притяжательных формах имен, в личных формах глагола и в простых, т. е. не притяжательных, формах имен), в саамском языке менее широко, так как не встречается в простом (не притяжательном) склонении имени.

II. То обстоятельство, что отчетливо категория двойственного числа выявляется только в самодийских и наиболее северных финно-угорских языках, некоторым ученым давало повод отрицать прауральское (прафинно-угорское) происхождение этой категории. Ссылаясь на разыскания Ю. Тойвонена, Ю. Фаркаш утверждает, что саами — это бывшие самодийцы, которые, переселяясь с востока на запад, в продолжение некоторого времени жили по соседству с обскими уграми. Исходя из этого, Ю. Фаркаш предполагает, что в самодийские, саамский и обско-угорские языки категория двойственного числа перешла из какого-либо чужого (неуральского) языка еще в то время, когда носители всех этих языков населяли общую или смежную территорию.¹⁶ П. Аристэ тоже считает, что язык саамов сначала был близок к самодийским языкам и только позднее сблизился с финно-угорскими; поэтому и он сомневается в прафинно-угорском происхождении категории двойственного числа.¹⁷ Вообще же, как отметил Э. Итконен, вопрос об истории саамского языка тесно связан с вопросом о происхождении категории двойственного числа в уральских языках, поскольку наличие этой категории, по его мнению, — единственная существенная особенность саамского языка, отличающая его от прибалтийско-финских языков. Э. Итконен убежден в том, что саами раньше говорили на диалекте прибалтийско-финского типа, причем общность этого диалекта с другими прибалтийско-финскими диалектами была прервана только с постепенным переселением саамов на Север, где они смешались с какими-то чужими племенами, представителями монголоидной расы.¹⁸ Основываясь на данной теории (как мы увидим ниже, раздел IV), Э. Итконен настойчиво доказывал наличие следов двойственного числа в прибалтийско-финских языках: эти следы подтвердили бы прежнее единство прибалтийско-финских и саамского языков.

Истории уральских числовых формантов особенно много внимания уделял финский ученый П. Равила. Возражая Р. Готьё¹⁹, считавшему, что финно-угорское двойственное число развилось таким же путем, как и данная категория в индоевропейских языках, П. Равила приходит к следующему выводу: в то время как индоевропейское двойственное число первоначально использовалось для выражения так наз. естественной двойственности, т. е. при оформлении слов, обозначающих парные предметы (парные части тела и соответствующие им парные предметы одежды типа: глаза, уши, руки; варежки, брюки, носки и т. д.), в уральских языках «естественного» использования двойственного числа первоначально не могло быть: для этих языков до сих пор при оформлении слов соответствующих типов характерно употребление формы единственного числа (в функции «абсолютного» числа): хант. *sēm*,

¹⁶ J. Farkas, Bemerkungen zu der ungarischen Formenlehre III. — UAJb. XXVI 1954, стр. 41.

¹⁷ Примечания П. Аристэ к книге: П. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I. Фонетика и морфология, Москва 1953, стр. 291, 299.

¹⁸ E. Itkonen, Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft. — UAJb. XXVII 1955, стр. 32—33, 35, 39; его же, Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. — UAJb. XXXII 1960, стр. 7—9.

¹⁹ R. Gauthiot, Du nombre duel. — Festschrift Vilhelm Thomsen, Leipzig 1912, стр. 127—133.

манс. *sam*, коми *šin*, мар. *šinža* 'глазá (досл.: глаз)' и манс. *sam-pālēm* 'один мой глаз (досл.: половина моего глаза)', коми *šin p̄ev* 'один глаз (досл.: полглаза)', мар. *peł-šinžan* 'одноглазый (досл.: полуглазый)', и т. д.²⁰

III. Наряду с вопросом о происхождении самой категории двойственного числа в уральских языках, весьма спорен и вопрос о происхождении формантов данной категории, т. е. **-k* и **-n*.

По мнению Д. Фокоша, уральский суффикс двойственного числа **-k ~ *-γ* восходит к словообразовательному суффиксу имени обладателя, выражавшему объединение двух предметов (типа венг. *férjes feleség* 'замужняя женщина (досл.: женщина с мужем)'), позднее перешедшему в собирательный суффикс, ср. венг. *fenyves* 'сосняк'.²¹ Возражая Д. Фокошу, П. Равила отмечает, что в уральских языках нет данных об адаптационном пути (т. е. о переосмыслении суффикса одного значения в суффикс другого значения) развития суффикса двойственного числа, более вероятно агглютинационное происхождение **k*-ового суффикса от слова, обозначающего 'два', ср. фин. *kaksi* (** < kakte-*); венг. *két* 'два'.²²

Компонент *-n* в составе обско-угорских суффиксов двойственного числа *-gan*, *-gen*, *-ñen*, *-γan*, *-γen* И. Буденцем возводится к суффиксу множественного числа *-n*, выявляющемуся также в форме множественного числа финских указательных местоимений (*nämä, nuo*) и в конце обско-угорских личных местоимений множественного числа (манс. *tan, nan, tan* или *tin, nin, tin*). Таким образом, по предположению И. Буденца, обско-угорские суффиксы (типа *-gan*) двойственного числа состоят из суффикса двойственного числа (*-g*) и суффикса множественного числа (*-n*).²³ Д. Фокош же считает данный *-n* идентичным лично-притяжательному окончанию 2-го лица, употребляемому в детерминирующем значении.²⁴

IV. Как было указано выше, принято, что *n*-овый суффикс двойственного числа представлен в самодийских, саамском и обско-угорских языках. Так, по мнению Б. Коллиндера, *-n* выявляется:

1) в формах личных местоимений в обско-угорских и самодийских языках: манс., северохант. *teen* 'мы двое', *neen* 'вы двое', *teen* 'они двое'; ненец. *manĩ* 'мы двое', *pydariĩ* 'вы двое', *pydiĩ* 'они двое'; энец. *modĩ* 'мы двое', *totĩ* 'вы двое', *ñiitodĩ* 'они двое';

2) в лично-притяжательных окончаниях в саамском, обско-угорских и самодийских языках: саам. (питеский диал.) 1-е лицо *-men*, 2-е лицо *-den*; манс. 1-е лицо *-teen*, 2-е лицо *-een*, 3-е лицо *-een*; хант. 1-е лицо *-mən*, 2-е лицо *-n*, 3-е лицо *-n*; ненец. 1-е лицо *-miĩ*, 2-е лицо *-riĩ*, 3-е лицо *-diĩ*;

3) в личных окончаниях саамских, обско-угорских и самодийских глаголов: саам. (питеский диал.): *bódiimen* 'мы двое пришли', *bódalimen* 'мы двое пришли бы', *bódiiden* 'вы двое пришли', *bódaliden* 'вы двое пришли бы'; манс. *totimen* 'мы двое приносим', *totijin* 'вы двое прино-

²⁰ P. Ravila, указ. раб., стр. 9, 16—17, 19—20, 22.

²¹ D. Fokos, указ. раб., стр. 322, 335—336.

²² P. Ravila, указ. раб., стр. 51—52, 108; P. Hajdú, указ. раб., стр. 68.

²³ J. Budenz, указ. раб., стр. 317.

²⁴ D. Fokos, Das obugrische deminutivsuffix *-n*. — FUF XXVI 1938, стр. 32.

сите'; хант. *teitṁən* 'мы двое едим', *teitṁən* 'вы двое едите'; ненец. *madani*²⁵ 'мы двое режем', *madadi*²⁵ 'вы двое режете';²⁵

4) поскольку Б. Коллиндер считает *-kan* ~ *-kän* в известной мере единым суффиксом, он не перечисляет случаи участия суффикса **-n* в данном сложном форманте, хотя, как мы увидим ниже, при определении происхождения суффиксов двойственного числа должен учитываться и данный **-n*-овый компонент; следовательно, **-n* выявляется в хантыйском языке у имен в составе суффикса простого (не притяжательного) двойственного числа и в двойственной форме 3-го лица глаголов: хант. *-χən*, *-γən*, *-γṁn*, *-kṁn*, *-ηṁn*: *paχ* 'сын' — *pa-χχən* 'двое сыновей', *çèli* 'северный домашний олень' — *çè-liγən* 'двое северных оленей', *χòt* 'дом, жилище' — *χotkṁn* 'два дома', *χop* 'лодка' — *χopηṁn* 'две лодки', *mṁndəγən* 'они двое идут';²⁶ далее выявляется в составе ненецких суффиксов: *-h-* + гласный + *-n* или *-h-* + гласный + ⁵ (⁵ < *-n*) в простой (не притяжательной) двойственной форме имен существительных и в двойственной форме 3-го лица глаголов: *ηanohō*⁵ *toηaha*⁵ 'две лодки прибыли'.²⁷

Исходя из гипотезы о прежней общности саамского и прибалтийско-финских языков (см. раздел II), Э. Итконен пытается доказать, что следы **-n*-ового суффикса двойственного числа прослеживаются, например, в восстановленном общеприбалтийско-финском сложном лично-притяжательном окончании 3-го лица единственного числа: *-(n)san* ~ *-(n)sän*, **-sen*, **-zen*.²⁸ Л. Хакулинен же, как и большинство других исследователей, этот *-n*, например в слове *miestään* < *miestähän*, как и *-n* в восстановленных лично-притяжательных формах других лиц, возводит к **-n*-овому суффиксу множественного числа.²⁹

V. Для определения происхождения **-n*-ового суффикса двойственного числа необходимо отметить особое положение двойственных форм личных местоимений. Поскольку у личных местоимений обско-угорских и самодийских языков (как и многих других уральских языков) суффикс *-n* обнаруживается не только в формах двойственного, но также и в формах единственного и множественного числа, он большей частью не может иметь никакого отношения к выражению числа (ср. манс. *at*, *ät* 'я' — *tṁṁn*, *ten*, *tin* 'мы двое' — *tan*, *māñ*, *mōñ* 'мы'; хант. *ta*, *tan* 'я' — *tin*, *ten*, *tṁṁn* 'мы двое' — *tin*, *tiη*, *toη* 'мы' и т. д.).³⁰ Данный *-n* в обско-угорских формах двойственного числа (как и в формах единственного и множественного числа) идентичен известному местоименному суффиксу *-n*.³¹ Иное положение занимают самодийские местоимения двойственного числа. Например, в конце ненец. *mani*⁵ 'мы двое' сохранился **-n* двойственного числа (превратившийся в ⁵); по-

²⁵ В. Collinder, указ. раб., стр. 303.

²⁶ К. F. Karjalainen, E. Vértés, Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten (= MSFOu 128), Helsinki 1964, 1, 17, 44, 102, 299.

²⁷ В. Collinder, указ. раб., стр. 302.

²⁸ E. Itkonen, Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft, стр. 38.

²⁹ Л. Хакулинен, указ. раб., стр. 82.

³⁰ См. многочисленные данные об участии *n*-ового местоименного суффикса в формах единственного и множественного числа 1-го, 2-го и 3-го лица у личных местоимений разных уральских языков в книге E. Vértés, Az osztják személynév-mások, Budapest 1943, стр. 4—7, 13—14.

³¹ E. Vértés, Die ostjakischen Pronomina, Budapest 1967, стр. 209.

сколькx местоименным суффиксом в *manĩ* выступает другой *-n*, находящийся перед *i* (ср. *maĩ* 'я'), в конце *pydariĩ* 'вы двое', *pydiĩ* 'они двое' находится тот же суффикс двойственного числа **-n* ($\text{>}^{\text{̣}}$), так как эти местоимения являются новообразованиями от имени со значением 'тело, туловище', которое (имя) не могло присоединить к себе местоименного суффикса.

Однако известно, что местоименный суффикс *-n* не выходит за сферу местоимений основных разрядов (даже в лично-притяжательные или личные глагольные окончания преобразуются лишь корни личных местоимений без местоименных суффиксов), поэтому у нас нет никаких сомнений в том, что в случаях, приведенных выше (раздел IV, 2, 3, 4), суффикс *-n* ничего общего не имеет с *n*-овым местоименным суффиксом и выступает действительно как формант двойственного числа.

Следовательно, при нижеследующем анализе вопроса о происхождении *n*-ового суффикса двойственного числа из материалов обско-угорских языков учтены будут данные только по глагольному и именному образованию форм числа.

VI. По мнению ряда ученых, в уральском языке-основе (или в финно-угорском языке-основе) было несколько суффиксов множественного числа, среди них **-n* и **-k* (наряду с **-t* и **-i/-j*).

В научной литературе распространена также точка зрения, согласно которой общеуральский (общефинно-угорский) формант **-n* в составе лично-притяжательных окончаний выступал в качестве коаффикса, выражавшего множественность обладаемых; как указывал И. Синней³², наиболее последовательно в данной функции *-n* выступает в мансийском языке, менее последовательно — в мордовском, и только в отдельных рефлексах — в других финно-угорских языках, ср. манс. *kũl* 'дом' — *kũlãn-* (притяжательная основа для множественного числа обладаемых), морд. *tolga-za*, *tolga-zo* 'его перо' — *tolga-n-za*, *tolga-n-zo* 'его перья'. В некоторых языках формы единственного и множественного числа выравнялись. Так, в финском языке *-ni* ($\text{<}^{\text{̣}}*$ -*n-mi*) первоначально использовалось при указании на множественность обладаемых, но потом обобщилось также для выражения одного обладаемого; в пермских языках *-n* используется для выражения множественности обладателей, ср. лично-притяжательные окончания *-õj* 'мой' — *-nym* 'наш', *-(y)d* 'твой' — *-nyd* 'ваш' и т. д.³³ Формант *-n* из сферы имен в некоторых уральских языках проник и в сферу глагольного спряжения, ср. коми-зыр. *mun̄* 'идет' — *mun̄eni* 'идут', (сысольский диал.) *mun̄em* 'он ушел, оказывается' — *mun̄emni* 'они ушли, оказывается';³⁴ формант **-n* мн. числа выявляется в некоторых обско-угорских и мордовских формах объектного спряжения.³⁵

В самодийских языках суффикс *-n* ($\text{>}^{\text{̣}}$ или *-ŋ*) выступает в качестве коаффикса в лично-притяжательных формах 3-го лица: ненец. 3-е лицо единственного числа *-da* — множественное число *-doĩ*, *-duĩ*, нганас. 3-е лицо единственного числа *-du* — множественное число *-duŋ*,

³² J. Szinnyei, указ. раб., стр. 52, 98—99.

³³ B. Collinder, указ. раб., стр. 299—301.

³⁴ Устное сообщение В. И. Лыткина.

³⁵ P. Hajdú, указ. раб., стр. 68.

камас. 3-е лицо единственного числа *-t* — множественное число *-dæn* и т. д.³⁶

VII. Мы считаем, что суффикс **-n* множественного числа и суффикс **-n* двойственного числа восходят к одному источнику: в уральском языке-основе существовал некий суффикс **-n* множественного числа, который в отдельных языках специализировался для выражения двойственного числа, в других же, например в венгерском, бесследно исчез. При таком толковании первоначальной природы данного форманта легко объяснить «странные» расхождения между близкородственными мансийским и хантыйским языками; ученые всегда удивлялись отсутствию **-n*-ового лично-притяжательного суффикса множественного числа в хантыйском языке, в то время как в мансийских лично-притяжательных формах он широко употребляется в качестве коаффикса. Однако следы *n*-ового суффикса множественного числа сохранились и в хантыйском языке, только в другой функции: в функции выразителя двойственного числа.

Строгое традиционное отграничение **-n*-ового суффикса множественного числа от **-n*-ового суффикса двойственного числа объясняется только семантическими соображениями: по-видимому, исследователи, интересовавшиеся вопросом выражения числа в уральских языках, находились во власти предвзятого мнения, что, якобы, значения множественного и двойственного числа слишком далеки друг от друга и поэтому не могут иметь тождественного форманта. В то же время никого не смущает, что финно-угорский локативный **-na/*-nä* в венгерском, кроме места, стал выражать время, образ действия, эссивное и другие значения, хотя эти значения также далеки друг от друга.

Мы убеждены в том, что семантически нет ничего невозможного в развитии суффикса двойственного числа от суффикса множественного числа, так как между указанными значениями нет непреодолимого разрыва: в конечном счете двойственное число — это один из частных, конкретных случаев значения множественного числа.

Можно привести следующий факт перехода одного значения в другое: в исландском языке современные формы личных местоимений множественного числа *við* 'мы' и *þið* 'вы' восходят к соответствующим формам двойственного числа (ср. англ. *we two* 'мы двое', *you two* 'вы двое'³⁷). Как мы видели (раздел III), И. Буденц считал вполне возможным объединение форманта двойственного числа с формантом множественного числа; по его мнению, обско-угорские суффиксы (типа *-gan*, *-ræn*) двойственного числа состоят из суффикса двойственного числа *-g* + суффикс множественного числа *-n*. Выше сообщалось также (раздел IV), что коаффикс *-n* в отдельных финских лично-притяжательных формантах Э. Итконеном возводится к суффиксу двойственного числа **-n*, другими же лингвистами (в том числе Л. Хакулиненом) — к суффиксу множественного числа *-n*.

Для уралоистики и финно-угристики последних десятилетий весьма характерны разыскания по происхождению первичных словообразующих и формообразующих суффиксов, например древнейших падежных и числовых формантов, унаследованных из соответствующих языков-

³⁶ В. Collinder, указ. раб., стр. 302; А. Кюннап в своей статье «Показатели множественного числа существительных в камасинском языке» (— СФУ III 1967, стр. 281—291) не приводит **-n*-ового суффикса множественного числа в камасинском языке.

³⁷ S. Einarsson, Icelandic, Baltimore 1949, стр. 68, 122.

основ. По поводу происхождения **n*-ового суффикса множественного числа наиболее известны гипотезы П. Равилы и Ю. Фаркаша. Поскольку **n*-овый суффикс множественного числа употребляется преимущественно в функции коаффикса в составе лично-притяжательных формантов, П. Равила предполагал, что данный *-n* восходит к генитивному падежному суффиксу *-n*, преобразовавшемуся из словообразовательного суффикса посессивного прилагательного.³⁸ Развивая мысль П. Равилы, Ю. Фаркаш отметил, что самым первым источником для возникновения указанного суффикса было указательное местоимение с корнем **n*-, используемое для выделения (подчеркивания, актуализации) посессивного определения, потом *-n* стал суффиксом генитива, который (суффикс) в свою очередь преобразовался в формант множественного числа.³⁹

Такой путь развития **n*-ового суффикса множественного числа не противоречит нашей гипотезе: специализация **n*-ового суффикса для выражения двойственного числа была вторичной и происходила уже после того, как *-n* из генитивного суффикса превратился в суффикс множественного числа. Специализируясь в функции форманта двойственного числа, *-n* перестал тяготеть к лично-притяжательным окончаниям (впрочем свою связь с этими окончаниями суффикс множественного числа утратил и при переходе в сферу личных окончаний глагола, см. примеры из коми языка в разделе VI).

VIII. Выше отмечалось, что большинство ученых признает употребление **k*- (**ka/*kä*)-ового суффикса двойственного числа в самодийских, саамском и обско-угорских языках. Б. Коллиндер приводит следующие случаи употребления указанного суффикса:

- а) в мансийском языке в виде γ , $\gamma\dot{\epsilon}j$;
- б) в хантыйском языке (в соединении с *-n*) в виде *-k*-, *-γ*-, *-χ*-, *-η*- (примеры см. раздел IV, 4);
- в) в самодийских языках *-h* (< **k*) соединен с коаффиксом **-n* (см. раздел IV) или в виде *-g* входит в состав суффиксов *-gai*, *-kai*, *-qu*, *-g*- + гласный + *-j*.⁴⁰

Данные, приведенные Б. Коллиндером из саамского языка по лично-притяжательному и глагольному словоизменению, спорны. Пожалуй, можно согласиться с Э. Итконеном, что **k*-ового суффикса двойственного числа в саамском языке не было.⁴¹

Мы вполне разделяем мнение некоторых ученых, например П. Равилы⁴² и П. Хайду⁴³, отметивших следы суффикса двойственного числа **-k* в венгерском слове *kettő* 'два' (форма *kettő* употребляется в самостоятельных, *két* — в определительных функциях); данная форма (*kettő*) соответствует мансийской форме *kiti̯|kiti̯γ|kiti̯γ* 'два', содержащей **k*-овый суффикс двойственного числа. Старое венгерское слово *monó* 'оба' содержит этот же суффикс двойственного числа. В. И. Лыткин любезно обратил мое внимание на предположение Й. Буденца, согласно которому в парных словах типа *soča-voka* 'сестра и брат', *völa-*

³⁸ P. Ravila, указ. раб., стр. 77; следовало бы употребить термин «посессивное определение», а не «посессивное прилагательное», поскольку прилагательного как отдельной части речи в уральском языке-основе еще не было.

³⁹ J. Farkas, Bemerkungen zu der ungarischen Formenlehre III, стр. 53.

⁴⁰ B. Collinder, указ. раб., стр. 302.

⁴¹ E. Itkonen, Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft, стр. 35—37.

⁴² P. Ravila, указ. раб., стр. 7—8.

⁴³ P. Hajdú, указ. раб., стр. 131.

čáña 'лошадь и жеребенок', šira-kaña 'мышь и кошка', а также в слове *gozja* 'супруги, чета' (основа *gozj-* от слова *goz* 'пара') выражается двойственное число.⁴⁴ Несмотря на то что в языковедческой литературе мнение И. Буденца считается спорным, не исключено, что в указанных словах суффикс *-a* действительно хранит следы отпавшего **k*-ового суффикса двойственного числа (ср. рефлексy отпавшего финно-угорского **k*-ового латинского суффикса в коми языке в виде гласного *ę*: *kiök* > *kiö* 'в руку' и, возможно, в виде *-i* и *-a* в соединении с суффиксом *-l*: *мортлы* 'человеку', *мортла* 'за человеком' (с целевым значением, например в сочетаниях типа *пойти за человеком*).⁴⁵ Употребление числовых суффиксов при обоих компонентах парных слов встречается в ряде финно-угорских языков, ср. морд. *atát-babat* 'супруги' (от *atá* 'старик; муж' и *baba* 'старуха; жена' + суффикс множественного числа *-t*), хант. *imeŋən iŋeŋən* 'старуха и старик'⁴⁶ (оба компонента оформлены суффиксом двойственного числа *-ŋən*).

IX. В прибалтийско-финских и волжских языках частично сохранился, частично восстанавливается некий суффикс множественного числа **-k*, употребляемый прежде всего в качестве коаффикса, выражающего в составе лично-притяжательных формантов множественность обладателей (из сферы лично-притяжательных окончаний перешел также в сферу глагольных личных окончаний), ср. морд. *ava-m* 'моя мать' — *ava-mok* 'наша мать', *ava-t* 'твоя мать' — *ava-ŋk* (< *avanŋk*) 'ваша мать';⁴⁷ в современном финском языке в виде конечного придыхания [] суффикс **-k* сохранился в личных глагольных и лично-притяжательных окончаниях. Последние для множества обладателей и одного обладаемого восстанавливаются в следующем виде: **-mek* (~ **-mmek*) 'наш', **-tek* ~ **-dek* 'ваш', **-sek* ~ **-zek* 'их'.⁴⁸ Ряд ученых считает, что суффикс **-k* множественного числа был общепинно-угорским, поскольку к нему возводится также и суффикс **-k* венгерского языка.⁴⁹ Однако можно согласиться с Х. Винклером, что суффикс множественного числа в венгерском (а также и в саамском) — это новообразование.⁵⁰ Еще более определенно по этому поводу высказывается П. Равила. По его мнению, венг. *-k* восходит к финно-угорскому уменьшительному суффиксу **-kk* (а не к **-k*), имевшему также собирательное значение (ср. фин. *koivikko* 'березняк' от *koivu* 'береза').⁵¹ Данное объяснение подкрепляется как семантическими доводами (известно, что суффиксы множественного числа часто происходят от суффиксов собирательного значения), так и фонетическими соображениями, поскольку в середине слова интервокальное прафинно-угорское **kk* в венгерском дает *k*, а прафинно-угорское **k* в венгерском дает *v* или *ø*.⁵²

С другой стороны, следы **k*-ового суффикса множественного числа

⁴⁴ J. Videnz, указ. раб., стр. 320.

⁴⁵ Современный коми язык. Часть первая. Сыктывкар 1955, стр. 137, 148.

⁴⁶ B. Collinder, указ. раб., стр. 238.

⁴⁷ P. Hajdú, указ. раб., стр. 128.

⁴⁸ Л. Хакулинен, указ. раб., стр. 95.

⁴⁹ J. Szinyei, указ. раб., стр. 51, 100.

⁵⁰ H. Winkler, указ. раб., стр. 118.

⁵¹ P. Ravila, указ. раб., стр. 68; J. Farkas, Bemerkungen zu der ungarischen Formenlehre I. — UAJb. XXIV 1952, стр. 53—55, 58; J. Farkas, Bemerkungen zu der ungarischen Formenlehre II. — UAJb. XXV 1953, стр. 71.

⁵² Gy. Lakó, A magyar nyelv finnugor alapjai. Bevezetés. Hangtan, Budapest 1964, стр. 84.

обнаруживаются в хантыйских глагольных окончаниях 1-го (-*әүүх*) и 2-го (-*т'әх*) лица: *тәһләүүх* 'мы идем', *тәһләт'әх* 'вы идете'.⁵³

Х. Традиционное отграничение **k*-ового суффикса множественного числа от **k*-ового суффикса двойственного числа объясняется прежде всего приведенным уже выше (раздел VII) предвзятым мнением о непреодолимом разрыве по семантике между множественным и двойственным числом. Мы уже показали, что на самом деле такого разрыва не существует.

Кроме того, в данном случае известную роль играют фонетические соображения. Принято считать (и не без основания), что суффиксы двойственного числа обычно происходят агглютинационным путем от слов, обозначающих 'два'. Такое происхождение от слова **kakte*- 'два' вполне допустимо и для уральского **k*-ового суффикса двойственного числа⁵⁴, поэтому реконструкция данного суффикса в виде **-ka/*-kä* более близка к слову-источнику, чем реконструкция в виде **-k*.

Выше (раздел I) отмечалось, что большинство ученых прауральский суффикс двойственного числа реконструирует в виде **-ka/*-kä* или **-ka(n)/*-kä(n)*, в то время как прибалтийско-финско-волжский или (по мнению некоторых) общешинно-угорский суффикс множественного числа представлен в виде **-k*. Следовательно, некоторые финно-угроведы считают, что реконструированные суффиксы несколько различаются.

Мы убеждены, что **k*-овый суффикс множественного числа и **k*-овый суффикс двойственного числа восходят к одному источнику: к слову **kakte*- 'два'. Следовательно, первоначально **k*-овый суффикс предназначался для выражения двойственного числа, и только впоследствии, когда в связи с некоторыми фонетическими изменениями (утратой согласных и гласных в конце суффикса) между суффиксом и порождающим его словом связь нарушилась, формант **-k* в ряде языков мог использоваться более широко и обобщенно: для выражения множественного числа. Выше (раздел VII) уже упоминалось о подобном процессе в исландском языке: от слова, обозначающего 'два', образовался суффиксальный элемент в составе местоимений двойственного числа; позднее, после утраты связи между суффиксом и порождающим его словом, личные местоимения использовались как формы множественного числа.

В самодийских и обско-угорских (остаточно также в венгерском, см. раздел VIII) языках **-k* сохранился как суффикс двойственного числа, в прибалтийско-финских и мордовских языках (остаточно также в отдельных диалектных хантыйских глагольных формах) **-k* выявляется как суффикс множественного числа.

Фонетического противоречия между двумя **k*-овыми суффиксами нет. Гласный после **-k* в формах двойственного числа сохранился там, где за ним следовал другой консонантный суффикс, без такого коаффикса после **-k* гласный обычно отпадал. Так, в простых (не притяжательных) хантыйских именных формах за **k*-овым суффиксом или за его вариантами (-*χ*, -*γ*, -*η*) двойственного числа всегда следует **n*-овый суффикс двойственного числа, поэтому между ними гласный сохраняется. В результате такого сочетания простых формантов возникают диалектные варианты хант. -*χән*, -*γән*, -*γән*, -*kән*, -*ηән* (см. примеры в

⁵³ К. F. Karjalainen, E. Vértés, указ. раб., стр. 268; об этом пишет и П. Хайду (P. Hajdú, указ. раб., стр. 129), но им номер журнала (MSFOu 127) и его страница (226) указаны неверно.

⁵⁴ P. Hajdú, указ. раб., стр. 68.

разделе IV). Подобным образом формировались и самодийские суффиксы двойственного числа: $-h-$ + гласный + $-n$ или $-h-$ + гласный + $\tilde{}$ (см. раздел IV), сохранившие гласный после $-h-$ ($< *k$), поскольку с суффиксом $-h$ объединился суффикс $\tilde{}$ ($< *-n$).

Наоборот, в мансийских двойственных формах, в которых признак двойственного числа $-y$ выступает без последующего консонантного коаффикса, гласный после $-y$ не сохранился; ср. $\bar{u}sil'$ 'шаг' — двойственное число $\bar{u}sil\dot{a}y$, $\bar{a}k\dot{a}n$ 'кукла' — двойственное число $\bar{a}k\dot{a}n\dot{a}y$.⁵⁵ Поэтому нет ничего удивительного в том, что $*-k$ как суффикс множественного числа (занимающий к тому же обычно конечное место в слове), не сохранил последующего за ним гласного.

*

В результате вышеприведенного исследования можно сделать некоторые выводы о развитии уральских суффиксов неединственного числа $*-n$ и $*-k$.

Первый из них ($*-n$), возникший адаптационным путем из форманта генитива ($<$ суффикса посессивного определения), сначала использовался как суффикс множественного числа и выступал прежде всего в составе сложных лично-притяжательных формантов в качестве коаффикса, выражавшего множественность обладаемых (только в пермских языках $-n$ выражает множественность обладателей). Утратив связь с лично-притяжательными окончаниями, суффикс $-n$ в ряде языков (коми, обско-угорских и самодийских) специализировался для выражения одного из конкретных значений множественного числа: для выражения двойственного числа. Поэтому неслучайно в своем первичном и основном значении неединственного числа (т. е. множественного числа) $-n$ распространен во всех ветвях уральских языков: в самодийской, угорской, пермской, прибалтийско-финской, саамской и волжской (хотя и не во всех языках, входящих в данные ветви); во вторичном же специализированном значении, т. е. в значении двойственного числа, $-n$ встречается только в северных группировках уральских языков, причем в ряде случаев только как коаффикс, присоединенный к другому ($*k$ -овому) суффиксу двойственного числа.

Второй уральский суффикс двойственного числа $*-k$ ($*-ka/*-k\ddot{a}$) восходит к числительному $*kakte-$ 'два'. Хотя ныне этот суффикс ясно является только в самодийских и обско-угорских языках, отдельные его следы сохранились в венгерском и, возможно, в пермских языках. Следовательно, первоначально в данном значении $*-k$ ($*-ka/*-k\ddot{a}$) был распространен в обеих основных ветвях уральских языков (самодийской, финно-угорской). Впоследствии в некоторых финно-угорских языках (прибалтийско-финских, мордовских и трымюганском диалекте хантыйского языка) $*-k$ приобрел более общее значение неединственного числа: значение множественного числа. В новом значении он использовался главным образом как коаффикс в составе лично-притяжательных формантов, выражающий множественность обладателей.

Между значениями двойственного и множественного числа нет непреодолимого разрыва, поэтому вполне возможно, что суффиксом, имевшим первоначально одно из этих значений, впоследствии было адаптировано и другое значение. В частности, в исландском языке личные местоимения двойственного числа (содержащие суффикс, образованный

⁵⁵ М. Liimola, Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I. Flexion der Nomina (= MSFOu 127), Helsinki 1963, стр. 14—15.

от слова со значением 'два') превратились в личные местоимения множественного числа.

Переход суффикса *-n* множественного числа в суффикс двойственного числа совершился, по-видимому, на поздней стадии развития уральского языка-основы, о чем свидетельствует наличие данного суффикса (в новом значении) в таких отдаленных друг от друга ветвях, как самодийская, саамская, обско-угорская; в то же время не исключено, что данная адаптация значения двойственного числа произошла только в отдельных диалектах уральского языка-основы.

Суффикс **-k* двойственного числа в суффикс множественного числа превратился не раньше прибалтийско-финско-волжской языковой общности; в одном из хантыйских диалектов **-k* в качестве глагольного форманта множественного числа появился в результате индивидуального развития.

K. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

ZUR FRAGE DES DUALS IN DEN URALISCHEN SPRACHEN

Die Verfasserin untersucht die Entstehung der uralischen Dualcharaktere **-n* und **-k* (**-ka/*-kã*). Der erste von ihnen (**-n*) entwickelte sich aus dem Suffix des Genitivs. Dieses Genitivsuffix ist seinerseits aus dem Formans des Possessivattributs entstanden und funktionierte anfangs als Pluralzeichen, das zusammen mit den Possessivsuffixen die Mehrheit des Besitzes bezeichnete (nur in den permischen Sprachen bezeichnet *-n* die Mehrheit der Besitzer). Später war die Beziehung des Formans *-n* zu den Possessivsuffixen etwas loser geworden, infolgedessen es einerseits in einigen Sprachen (in der Komi-Sprache, im Obugrischen und Mordwinischen) auch als verbaler Pluralcharakter verwandt werden konnte, andererseits in mehreren Sprachen (im Lappischen, Obugrischen und Samojedischen) eine engere Bedeutung (die Bedeutung des Duals) adaptierte. Es ist also kein Zufall, daß der primäre Pluralcharakter **-n* in allen Zweigen der uralischen Sprachen (wenn auch nicht in allen Sprachen von diesen Zweigen) verbreitet ist, dagegen der sekundäre spezialisierte Dualcharakter *-n* nur in den nördlichen Gruppen der uralischen Sprachen vorkommt (und zwar in einigen Fällen nur als Koaffix zusammen mit dem anderen Dualcharakter **-k*).

Das zweite uralische Dualsuffix **-k* (**-ka/*-kã*) geht auf das Wort **kakte-* 'zwei' zurück. Obschon dieses **-k* heute nur im Samojedischen und Obugrischen klar vertreten ist, sind einige Reste von ihm auch im Ungarischen und vielleicht auch im Permischen aufzufinden.

So ist es wahrscheinlich, daß der Dualcharakter **-k* (**-ka/*-kã*) anfangs in allen Zweigen der uralischen Sprachen heimisch war. Später wurde die Bedeutung des Suffixes **-k* in einem Teil der finnisch-ugrischen Sprachen etwas weiter und abstrakter: es begann die unbegrenzte Mehrheit auszudrücken. In seiner neuen Funktion trat **-k* vor allem als Koaffix der Possessivsuffixe auf und bezeichnete die Mehrheit der Besitzer.

Zwischen den Dual- und Pluralbedeutungen gibt es keinen unüberwindlichen Unterschied, deshalb ist die Verwandlung einer dieser Bedeutungen in die andere gar nicht unmöglich. So verwandelten sich zum Beispiel die dualischen Personalpronomina der isländischen Sprache in pluralische Personalpronomina.

Die Spezialisierung des pluralischen Suffixes **n* für die Bezeichnung der Zweizahl vollzog sich wahrscheinlich im Späturalischen, vielleicht auch nur in einigen Dialekten des letzteren.

Der Übergang des Dualzeichens **-k* in den Pluralcharakter **-k* kann nicht früher als für die Epoche der ostseefinnisch-wolgaischen Einheit datiert werden. Die Erscheinung des Pluralcharakters **-k* im tremjuganischen Dialekt des Chantischen ist das Ergebnis einer einzelsprachlichen Entwicklung.